

БАШКИРСКИЕ ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С КУЛЬТОМ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО БОЖЕСТВА ОГНЯ ОТУКЕН

© Г. Х. Бухарова

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450000 г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.*

Тел.: +7 (347) 272 58 05.

Email: buharova_g@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных проблем изучения взаимосвязи языка и этнической культуры. На материале башкирской топонимии и связанных с ней верований сделана попытка семантической и этимолого-ономазиологической реконструкции божества огня у башкир Отукен. По мнению автора, образованию «огненных» названий в башкирской топонимии способствовало почитание тюрко-монголами божества огня, родового огня и места обитания рода и семейного очага.

Ключевые слова: *этнолингвистика, башкирская топонимия, культ огня, божество огня Отукен, семантическая реконструкция, этимолого-ономазиологическая реконструкция.*

Башкиры, как многие народы, в том числе тюркские и монгольские, почитали огонь – Ут. Олицетворение огня и его культ несомненно возник из значения огня в практической деятельности людей. У башкир Ут «огонь» символизировал прежде всего домашний очаг, был покровителем семьи. Башкиры поклонялись огню как очищающей и целительной силе, в то же время огонь представлял грозную и опасную силу.

Верования, связанные с огнем, нашли отражение в языке башкир. Приведем несколько примеров из словаря башкирской мифологии Ф. Г. Хисамитдиновой: *Ут (Огонь)* – одно из стихий мироздания, мифологизированное явление, ему характерно олицетворение; он уничтожает, но он же и очищает; дает тепло и свет; посредник между тем и этим светом. *Ер һыуға туймай, ут утынға туймай* (погов.). – Земле всегда воды не хватает, огню – дров (*досл.*). Слово восходит к общетюркскому *ot* 'огонь'. *Ут анаһы* – Дух огня; *досл.* мать огня. *Ауыз осонһа, Ут анаһына һары май тамызалар.* – Если обметало губы, для Матери огня капает в огонь топленое масло. *Ут тәңре* – Божество огня. *Ут тәңре боронго тәңреләрзең береһе.* – Тенгри огня – одно из древних божеств. *Ут-әсә* – Дух огня; *досл.* мать-огонь. *Утқош* – Жар-птица; мифический персонаж сказок. *Утқош берәйһенең йортонә хунһа, өйө яна, тизәр.* – Говорят, кому жар-птица сядет на крышу дома, у того дом сгорит [1].

Интересные факты, связанные с поклонением огню, дает топонимия Башкортостана. В Ишимбайском районе протекает река Утйылға (пр. Зигана), букв. «Огонь-река». «Огненные» реки имеются и в Приуралье – притоки Бисерти и Сылвы называются Ут [2, с. 182].

Возможно, в названии «Утйылға» находит отражение вера башкир в существование «огненных» рек. В фольклоре многих народов можно встретить образы огненного моря, озера, реки, дождя [3, с. 23].

Как отмечает В. В. Евсюков, очень часто огонь не просто сближается с водой, но и прямо с ней отождествляется. Свою мысль автор подтверждает примером из зароастрийского сочинения, где сказано, что вода и огонь – одна субстанция, отец и мать всего сущего, а в другом говорится: «Поскольку они сотворены вместе, они считаются сестрой и братом».

В символизме огонь – вода, «огненная вода» есть совпадение противоположностей и поэтому относится к нуменам и гермафродитам [4, с. 354]. В мифологии башкир огонь был тесно связан с противоположной ему стихией – водой. Отголоски таких воззрений, возможно, и находят отражение в названии Утйылға. В башкирском языке понятие *Ут-һыу* употребляется в собирательном

значении «огонь и вода»: *Ут-һыузы кискән* – прошедший огонь и воду, выдавший виды [5, с. 683].

В башкирской мифологии огонь связан также с божеством Кояш «Солнце». Об этом свидетельствует предание, которое повествует о том, что башкиры сжигали жертвенный костер у Казанлы таштар, букв. «Каменные котлы», где имеются Кояш казаны «Котел Солнца» и Ай казаны «Котел Луны». Возможно, здесь казан – жертвенный сосуд, и, как видно из названия Кояш казаны, букв. «Котел Солнца», жертва посвящалась Солнцу.

Данные топонимии Башкортостана предоставляют нам возможность предположить, что башкиры, как и остальные тюркские народы и монголы, поклонялись огню, связывая его с божеством земли Отукен.

Об этом свидетельствуют топонимы Төкөн, Үтәгән, Үтәк, которые в ходе функционирования в языке, возможно, претерпели фонетические изменения и восходят к древнетюркскому божеству Otuken, которое, на наш взгляд, как и образ древнемонгольской богини Этуген, связано с землей, плодородием и с культом огня.

Otukan, Otukan jer «Отюкенская земля (страна)», Otukan jys «Отюкенская чернь», как географические названия, фигурируют в ряде памятников древнетюркской письменности. Название Otukan упоминается в орхонских текстах [6, 34–35]. В них восхваление Отюкена доходит до прямого обожествления, потому что применительно к нему употребляется эпитет *удуқ* «священный». Otuken – название местности было зафиксировано в словаре М. Кашгари [7, I, с. 198].

Интересные факты, связанные с поклонением божеству огня у тюркских шаманистов, приведены в книге А. Инана [8, с. 86–91].

Существуют значительное количество исследований, в которых в том или ином аспекте рассматривается Отукен//Отюкен. Среди них особое место занимает изыскания, затрагивающие происхождение данного слова. Но до настоящего времени относительно языковой принадлежности наименования Otukan единого мнения у исследователей нет. Одни возводят его к собственному тюркским основам, другие – к монгольским.

Божество древних тюрков Otuken/Otukan имеет параллель в монгольской мифологии: монголы поклонялись культу богини-матери и огня Eтуgen/Oтуgen. Согласно Б. Я. Владимирцову и В. У. Махпирову, Otuken «божество земли», «сама земля, рассматриваемая как божественная»; «земля-владычица» восходит к монгольским языкам [Цит. по 9, с. 159–160]. Но башкирский ученый этнограф А. Инан, ссылаясь на Д. Банзарова, который одним из первых исследовал монгольский шаманизм, утвержда-

ет, что культ огня у монголов был заимствован у тюркских племен, поскольку, по данным Д. Банзарова, у монголов божество огня называлось Гая [8, с. 87].

Следует добавить, что в мифологии монгольских народов божество огня, персонификация огня, очажного пламени называется Отхан-Галахан «хан огня Отхан», Отгалахан «хан огня От», От эхе, Од эхе, Ут эхе «матушка-огонь» [10, с. 269].

Интересно, что тюрко-монгольское божество земли Отуцен находит параллель в японской мифологии: бог, хозяин земли называется Оотукону-си-но ками. В «Когосюи», кратком мифологическом своде, составленном священником Хиронари из рода Имибе около 807 г. читаем: «В давние времена, в эру богов, бог Оотокону-си-но ками, Бог – хозяин земли возделывал землю и кормил крестьян мясом. Однажды на его поле пришел сын Митоси-но ками, бога урожая, и во время пира стошнило его. Вернувшись, он обо всем рассказал родителю. И оказалось – это Митоси-но ками порчу наводил, и чтоб гнев его утишить, надо ему поднести белого вепря, белого коня, белого петуха» [11, с. 59–60]. Возможно, поклонение огню было распространено у алтаеязычного племени Ямато японцев.

Нас интересует первоначальное значение слова, к которому восходит древнетюркский топоним Отукен//Өтүкән.

Б. И. Татаринцев, обращаясь к материалу тодзинского диалекта тувинского языка, в районе обитания носителей которого находится горная местность под названием Оудуген, также на данные многих других тюркских языков, рассматривает его как географический термин, характеризующий ландшафт: обширная территория среди гор с относительно ровной поверхностью, каменистой почвой, безлесная, но поросшая ягельником, который в свою очередь перешел в топоним [12, с. 44]. Наличие сакральной семантики данного слова, сравнивая его со словом *оте* «превосходный» (башк. *үтә*), он связывает с глаголом *от* «жить, прожить», «проходить жизненный путь». Морфологическую структуру данного слова Б. И. Татаринцев представляет как *от* – (а) *к* (а) *п*, где *от* – глагольная основа, (а) *к* – распространенный аффикс, образующий отглагольные имена, (а) *п* – формант, с помощью которого образуются отыменные существительные [12, с. 47].

По представлениям монгольских народов, огонь появился от хана тенгри и матери Этуген («возник из ее стопы», при отделении неба от земли [13, с. 120; 10, с. 269]. Как мать огня связана с землей, так и огонь связан с землей. В качестве его творцов упоминается также гора, море и дерево (высечен горой, возник от горы и моря, сотворен из вяза, из тутового дерева с вершины Хангай-хана) [10, с. 269]. Видимо, подобный мотив объяснения появления огня способствовал связыванию огня с конкретной местностью, с конкретным объектом. И это нашло отражение в топонимии.

Образование «огненных» названий в топонимии, возможно, также способствовало почитанию тюрко-монголами родового огня, места обитания рода и семейного очага. Место обитания рода, родового очага, по мнению первобытных народов, в частности башкир, являлись священными.

Древний человек стремился жить в окружении «священного» пространства, поэтому в топонимии

встречаются несколько названий, именуемых *Otuken*. Как пишет Л. П. Потапов, в восточной части Центральной Азии существуют несколько хребтов, носящих имя *Otuken*. Он также сообщает, что в Туве имеется горный хребет, до сего времени именуемый *Otuken* [14, с. 289–291].

Как видно из рассмотренных лингвистических и этнографических данных, исходная корневая морфема *ут* (*ut*) в различных фонетических вариантах присутствует в сравниваемых нами примерах. *Ут* (*ut*), (варианты *от/од*) выступает как огонь и божество огня, который порожден Матерью Землей, Землей-богиней *Этуген//Отуген//Отукен* (*Etügen//Otuqen*), где корневой морфемой тоже является *от/ут* «огонь»), а элемент *кан*, возможно, восходит к термину *хан* – «владыка».

По нашему предположению, башкирский ойконим *Утэк* образован от древнетюркского ойконимического термина *отақ*, связанного с обожествлением родового очага. Деревни с названием *Утэк* представлены в Абзелиловском, Бурзянском, Гафурийском, Кармаскалинском, Балтачевском районах Республики Башкортостан.

Ойконимы *Утэк* имеются в республике Татарстан: деревни Кече *Утэк* и *Утэк*. Следует также добавить, что Ф. Г. Гарипова, опираясь на исследования археологов, утверждает о существовании на территории современного Татарстана города с названием *Утэк* в Булгарский период [15, с. 123–124].

Арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан среди других гидронимов Булгарии называет и гидроним *Отыг* «Утка».

Ф. Г. Гарипова представляет фонетическое развитие этого слова следующим образом: *Отыг*→*Өтэк*→*Утэк*.

Как отмечает Ф. Г. Гарипова, А. П. Ковалевский читает гидроним *Отыг* в форме «Ватыг». Но Ф. Г. Гарипова, учитывая тот факт, что на надписях надмогильных камней вместо буквы *w* читается *o*, *ө*, *у*, *ү*, находит необходимым читать это название в форме «Отыг» [15, с. 123].

Однако архетипом слова *Утэк* мог быть и **Wotak*. Так, протетический [в] почти всегда выступает перед огубленными гласными, ср.: ст.-кыпч. *вучак*, тур. *ојак* «очаг»; ст. кыпч. *вајна*, азерб. *ојна* «играть»; тур. *вур-*, кирг. *ур-*, якут. *ур-* «бить, ударять» [16, с. 44–45]. Т. А. Бертагаев, судя по сохранению согласного в некоторых словах монгольских наречий Внутренней Монголии и в отдельных тюркских языках, полагает, что корень *ut* «огонь» звучал вначале с инициальной согласной: *xut*, *xot//fut*, *fot//wot* [13, с. 125]. Ярким подтверждением этому является слово «хутор» в русском языке, происхождение которого, возможно, связано с монгольским *хут* «огонь».

Начальный звук [в] сохранился в чувашском языке: в мифологии чувашей «мать огня» называется *вут* ами, «отец огня» – *вут* аси, «огненная птица» – *вут* кайаке.

Отақ (и его фонетические варианты) в тюркских языках употребляются в значениях «шалаш», «шатер», «жилище», «юрта», «стан», «становище», «очаг», «местожительство», «горная впадина», «ровное место в горах на склоне горы», «ожное зимовье», «место большой стоянки аула» и т.д. В башкирском языке общетюркскому ойконимическому термину *отақ*, возможно, соответствует *утэк*, который сохранился только в имени собственного *Утэк*. В башкирском языке для обозначения жилища употреблялся и термин *утау* в значении «маленькая, легкая юрта»; ак *утау*

«белая юрта», «юрта богача», «юрта для женившегося и отделившегося от семьи сына».

Ойконимический термин *otaq* зафиксирован в письменных памятниках тюркского литературного языка начала XIII в. («Кысса-и Юсуф»). Оно употребляется в значении «жилище», тур. *otak*, туркм., азерб. *otaq*, *otax*, *otak*, совр. узб., казах, *otaw*, уйг. *otaq* «юрта» [17, с. 70, 261], кирг. *отөк* «горная впадина, ровное место в горах на склоне горы, южное зимовье, место большой стоянки аула», совр. башк. *утау* «маленькая юрта», диал. «шалаш».

П. М. Мелиоранский связывал *отаг* с *от*: «огонь» [18, с. 487].

Г. Рамстедт сопоставлял тюркское *otaq*, османское *odaq*, *oda* с монгольским *otag*, *otug*, калм. *ot°G* «род», «племя», «община», «нация», «государство». М. Рэсэнен к данным Г. Рамстедта присоединяет еще тунгусское *otok*, *otoh* «лагерь», «стан» со ссылкой на согдийскую версию Е. И. Титова, который видел прямую связь тюркского *отаг* и согдийского *w't°k* [18, с. 487].

Наиболее обоснованной считается этимология данного слова, предлагаемая Г. Дерфером от глагола *ota* – «обогреваться», «разжигать дрова», «зажигать», либо от глагольного корня *ot* – **o:t* – со значением "разводить/разжигать огонь" [18, с. 486].

По мнению Э. В. Севортяна, предлагаемая этимология, связанная с ареалом огня, говорит группа значений с семантикой очага и огня, связь которых с *от*- (~ *o:t*-) ~ *ота*- (~ *o:ta*-) очевидна [18, с. 487].

Действительно, есть основания связывать ойконимический термин *otaq* «шалаш», «шатер», «жилище», «юрта», «стан, становище», «очаг», «местожительство», «горная впадина», «ровное место в горах на склоне горы», «южное зимовье», «место большой стоянки аула» с огнем.

Таким образом, ойконим *Утэк* образован от ойконимического термина *otaq* и связан с обожествлением родового очага.

Следующее название, по нашему предположению, связано с древнетюркским божеством огня *Otuken* – *Төкөн*, варианты названия, зафиксированные в топонимии Башкортостана – *Тукан//Түкән//Текән*.

Ойконим *Төкөн* впервые упоминается в источниках 1739 г.: «Тюкунской волости деревни Тюкиной башкир Енымыт Ембетов...» [19, с. 84]. Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» считают, что ойконим произошел от башкирского антропонима *Төкөн* [20, с. 160]. По мнению Ф. Г. Хисамитдиновой, в основе топонима может лежать башк. этноним *төкөн* [19, с. 84].

Мы полагаем, что *Төкөн* связан с обожествлением родового очага, огня и восходит к древнетюркскому *Otuken*. Возможно, в какой-то период развития башкирского языка топнимы с основой *Төкөн*, *Тукан*, *Түкән*, *Текән* звучали с начальным гласным звуком [y] или [o]//[e]: *Өтөкөн*, *Утукан*, *Өтүкән*, *Өтекән*. Соответствия *o ~ y*, *e ~ y* являются одним из широко распространенных фонетических закономерностей алтайских языков. Чередование этих звуков находит отражение и в башкирской топонимии [21, с. 193–197]. В башкирских топонимах наблюдается также выпадение начальной гласной, например, гора *Оломантай* в *Гафур*. *p-не* и *Ломонтай* – река в том же *p-не* образованы от названия горы *Оло* «большой» и *ман* «гора» и афф. *-тай* [20, с. 101]. Что касается чередования звуков [k] и [g], оно также является закономерным звуковым явлением в башкирском языке.

Элемент *-гән//кән*, в слове *Өтүкән*, фонетический вариант *Утэгән*, возможно, восходит к термину хан «владыка», который широко представлен в тюркских и монгольских языках в значении «бог», «владыка». Например, *Абакан-кан*, *Адам-кан*, *Алтай-кан*, *Бакты-каан*, *Бо-хан*, *Будда-хан*, *Бурхату-хан*, *Йо-кан*, *Отгалахан*, *Отхан-Галахан*, *Таз-каан*, *Тенгри-хан*, *Яйик-кан* и мн. др.

Происхождение термина «хан», возможно, связано с аффиксом причастия *-ған/-гән*, который употреблялся в составе глагольной основы *jaŋatqan* «творец», «бог», «создатель», *bitirqan* «творец», «создатель», *eltqan* «творец», «создатель», «бог» [17, с. 263–264].

Основываясь на Лайош Лигети, Маргит К. Палло объясняет, что *-ған* – это аффикс причастия, и образуемые этим аффиксом причастия формы могут отделяться от своей глагольной парадигмы со значением имени деятеля и функционировать в качестве самостоятельного имени существительного [22, с. 103–104]. В нарицательной лексике, возможно, он не отделился от основы и является продуктивным аффиксом, участвующим в образовании наименований флоры и фауны: *һуған*, *һөтлөгән*, *балтырған*, *сыскан*, *һаракан* и мн. др.

Можно также предположить, что слово «хан» развилось от *хаган//каган*. Так, например, Т. А. Бертагаев, сравнивая хан со ст. письм. монг. *каган*, *хаган*, др.-монг. разг. *каан*, совр. монг. *хаан*, показывает фонетическое изменение совр. монг. слова *хаан*. Он считает, что оно появилось в результате выпадения из фонетического комплекса *-ага*: заднеязычного согласного [g], постепенного распада всего комплекса и перехода его в долгий гласный звук [a], а также [k] в [x] в анлауте, а существование *кан//хан* (с кратким [a]) связывает спонтанным чередованием фонетического комплекса, долгого гласного с кратким гласным [23, с. 45].

Следует добавить, что в современном монгольском языке значение слова «хан» намного шире, чем в современном башкирском. Хан в монгольских языках употребляется в составе корневого элемента слова *хан-ха* в значении «обширный», «просторный», например, *ханха харгуй* «широкая, просторная дорога», *хан тэнгэри* «обширное, просторное, величественное, необозримое небо» [23, с. 48]. Т. А. Бертагаев отмечает, что от указанных значений образуются семантические филиации: *хан>хад* «посланцы с небесных просторов, с величественного, божественного неба, ставшие владыками гор и местностей»; в дальнейшем хан дает экстраполяции «великий, царственный, владыка земли»: *бурят*, *хаан баавай* «величественный, божественный отец-родоначальник», «царь-отец». Автор также упоминает, что названия многих гор в Монголии имеют эпитет хан: *Хан Хөхэй*, *Хан богдо*, *Хан таймир*, *Хан хэнтий нуруу* [23, с. 47].

Как показывают наши наблюдения, элемент «хан» в качестве определяемого слова в значении «великий», «божественный», «обширный, просторный» и т.п. употребляется в топонимии тюркоязычного ареала. Например, *Ханбулан*, *Хангугай* и т.д.

Элемент *хан* в качестве определяемого слова встречается также в башкирской топонимии: *Ханкала* – гг. в Баймакском, Чекмагушевском районах, *Хантау* – гг. в Мечетлинском, Илишевском районах. Однако авторы СТБ данные названия объясняют от титула хан – «ханская» [20, с. 162].

В современном башкирском языке имеется антропоним *Утэгән*, который, на наш взгляд, генетически связан с *Otuken*. Мужское личное имя башкир, возможно, связано с верованиями башкир и может означать наследника очага. Как правило, у башкир отцовский очаг, отцовский дом передается младшему сыну. Такое предполо-

ложение подтверждается тем, что и у монгол последний младший сын называется *отгон*, у бурят – *одхон*.

Мы предполагаем, что *Үтэгэн* восходит к *Отукен*, потому что наречение ребенка именем божества может быть связано с обожествлением личности.

Является ли топоним *Үтэк*, *Үтэгэн* антропонимического происхождения, связан ли со священной местностью *отукен* или просто означает «жилище», в любом случае в основе топонима лежит корень *ут* «огонь» и первобытные представления башкир об огне.

Таким образом, можно предположить, что в башкирских топонимах *Үтэгэн*, *Үтэк*, *Төкөн//Тукан//Түкән//Текән* находят отражение следы влияния культа божества земли тюрко-монгольских народов *Отукен//Этуген*, связанный с олицетворением огня. Привлекает внимание то, что связанный с древнетюркскими верованиями корень *ут* участвует и в образовании теонима, топонимического термина и географического имени, также этнонима и антропонима, т.е. пронизывает всю ономастическую и апеллятивную лексику. Но на апеллятивном уровне данная лексема не имеет религиозного значения. Так, например, *Отукен* – древнетюркское божество огня, связанное с землей и географический термин, характеризующий ландшафт: обширная территория среди гор с относительно ровной поверхностью, каменистой почвой, безлесная, но поросшая ягельником, *Отукен//Үтэгэн//Үтэк*, *Төкөн//Тукан//Түкән//Текән* (топонимы), *Төкөн* (этноним, антропоним), *Үтэгэн*, *Үтэк* (антропонимы), *отақ* и его фонетические варианты в тюркских языках употребляются в значениях «жилище», «юрта», «горная впадина», «ровное место в горах на склоне горы», «южное зимовье», «место большой стоянки аула» и т.д. Эта связь объясняется тем, что первоначально, возможно, все же было поклонение женскому божеству *Отукен*, которое олицетворяло *ут* «огонь» и было связано с землей, с местом обитания и родовым очагом, где исходной корневой морфемой является *ут* «огонь», (*От -у – кан*), затем с обожествлением рода и родовой территории, а позднее с обожествлением личности правителя, эта лексема распространилась во всей ономастической лексике, также в апеллятивной лексике в значении места жительства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Башкирская топонимия в этнолингвистическом аспекте», проект №115040940016.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
2. Матвеев А. К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск: Сред.-урал. кн. изд-во, 1987. 208 с.
3. Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 177 с.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
5. Башкирско-русский словарь: 32 000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан. М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.
6. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1951.
7. Кашгари М. Туркий сузлар девони. (Девону лутот ит турк) Тошкеин, 1960. Т. 1; Тошкент, 1961. Т. 2; Тошкент, 1963. Т. 3.
8. Инан А. Шаманизм в истории и сегодня (на башкирском языке). Уфа: Китап, 1998.
9. Махпиров В. У. «Дивану лутат-ит-тюрк» М. Кашгарского и вопросы тюркской топонимии // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 154–162.
10. Неклюдов С. Ю. Отхан-Галахан // Мифы народов мира. М.: Советская Энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 269–270.
11. Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей: (Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики). М.: изд-кая фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 272 с.
12. Татаринцев Б. И. О происхождении слова *отукан* // Советская Тюркология, 1990. №6. С. 42–49.
13. Бертагаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен // Советская этнография, №6, 1973. С. 120–125.
14. Потапов Л. П. О народе Беклийской степи // Тюркологические исследования. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 282–291.
15. Гарипова Ф. Г. Исемнәрә – ил тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 264 с.
16. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб: Наука, 1994. 192 с.
17. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 289 с.
18. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
19. Хисамитдинова Ф. Г. Географические названия Башкортостана. Уфа: Башк. ун.-т., 1992. 103 с.
20. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
21. Камалов А. А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
22. Палло Маргит П. Реальная основа заимствованного слова SARK-ANY «ДРАКОН» // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Сб. статей. Чебоксары, ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. 1985. С. 98–106.
23. Бертагаев Т. А. Об этимологии хан-хаган, хатун и об их отношении к хат // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. С. 45–50.

Поступила в редакцию 09.11.2015 г.

BASHKIR TOPONYMS ASSOCIATED WITH THE CULT OF THE ANCIENT TURKIC DEITY OF FIRE OTUKAN

© G. H. Bukharova

Bashkir State Pedagogical University

3a Otyabrskoi Revolutsii St., 450000 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Phone: +7 (347) 272 58 05.

Email: buharova_g@mail.ru

The article is devoted to the problem of studying the relationship between language and ethnic culture. The author analyzes Bashkir toponyms associated with the cult of fire. The Bashkirs, like many nations including the Turkic and Mongolian, have thought that fire symbolized home and was the protector of the family. The Bashkirs worshiped fire as cleansing and healing power, while at the same time the fire represented formidable and dangerous force. Fire in the Bashkir mythology is closely related to its opposite element Water, with the gods of the upper world – the Sun and the Moon and the deity of Earth, geographical names of Bashkortostan testify this. On the material of Bashkir toponymy and related beliefs, it was attempted to do a semantic etimological-onomasiological reconstruction of the Bashkir deity of fire Otukan, which dates back to the old Turkic deity Yduk (“sacred”) Otuken/Otukan. In Mongolian mythology, it corresponds to the deity Etugen/Otugen, associated with the cult of the mother goddess, earth and fire, and in Japanese mythology – with the god, the owner of the land, – Ootokunu-si-no kami. According to the author, the formation of names connected with “fire” in the Bashkir toponymy was promoted by the worship of the deity of fire, the tribal fire, the tribal habitat and the family by Tatar-Mongols. Interesting is the fact that the base “ut” (fire), which is connected with the ancient Turkic beliefs, also builds a theonym, a toponymic term, a geographic name, an ethnonym and anthroponym, i.e. it permeates the entire onomastic and appellative vocabulary. However, at the appellative level, this lexical item has no religious significance. For example, Otukan (ancient Turkic deity of fire, associated with the land, Otukan/Ytægän, Ytək, Təkən/Туқан/Түкән/Текән (toponyms), Təkən (ethnonym, anthroponym), Ytægän, Ytək (anthroponym), otaq (and its phonetic variations) in Turkic languages have the meanings of “home”, “yurt”, “mountain valley”, “flat place in the mountains on the hillside”, “southern winter quarters”. This relationship is explained by the fact that initially, perhaps, yet there was the worship of a female deity Otukan that embodied fire (“ut”) and was associated with the earth, with the habitat and the ancestral hearth, where the original base morpheme was “fire” (“ut”), then it was associated with the deification of family and tribal territory, and later with the deification of the person of the ruler, this lexic item has spread throughout the onomastic vocabulary and in the appellative lexicon within the meaning of the place of residence.

Keywords: *ethnolinguistics, Bashkir toponymy, cult of fire, god of fire Otukan, semantic reconstruction, etimological-onomasiological reconstruction.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Khisamitdinova F. G. Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Mythological dictionary of Bashkir language]. Moscow: Nauka, 2010.
2. Matveev A. K. Geograficheskie nazvaniya Urala: Kratkii toponimicheskii slovar' [Geographical names of the Urals: concise toponymic dictionary]. Sverdlovsk: Sred.-ural. kn. izd-vo, 1987.
3. Evsyukov V. V. Mify o Vselennoi [Myths about the Universe]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988.
4. Kerlot Kh. E. Slovar' simbolov [Dictionary of symbols]. Moscow: REFL-book, 1994.
5. Bashkirsko-russkii slovar': 32 000 slov. Moscow: Digora, Rus. yaz., 1996.
6. Malov S. E. Pamyatniki drevnyeturkskoi pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. M.-L.: izd-vo AN SSSPp. 1951.
7. Kashgari M. Turkii suzlar devoni. (Devonu lutot it turk) Toshkein, 1960. T. I; Toshkent, 1963. Vol. 2; Toshkent, 1963. Vol. 3.
8. Inan A. Shamanizm v istorii i segodnya (na bashkirskom yazyke) [Shamanism in history and today (in Bashkir language)]. Ufa: Kitap, 1998.
9. Makhpirov V. U. Tyurkskaya onomastika. Alma-Ata, 1984. C. I 54–162.
10. Neklyudov S. Yu. Otkhan-Galakhhan. Mify narodov mira. Moscow: Sovet-skaya Entsiklopediya, 1992. Vol. 2. Pp. 269–270.
11. Ermakova L. M. Rechi bogov i pesni lyudei: (Ritual'no-mifologicheskie istoki yaponskoi literaturnoi estetiki) [Speech of the gods and songs of the people: (Ritual and mythological sources of Japanese literary aesthetics)]. Moscow: izd-kaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995.
12. Tatarintsev B. I. Sovet-skaya Tyurkologiya, 1990. No. 6. Pp. 42–49.
13. Bertagaev T. A. Sovet-skaya etnografiya, No. 6, 1973. Pp. 120–125.
14. Potapov L. P. Tyurkologicheskie issledovaniya. M.-L.: izd-vo Akademii nauk SSSPp. 1963. Pp. 282–291.
15. Garipova F. G. Isemnärda – il tarikhy. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1994.
16. Shcherbak A. M. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Turkic languages]. Saint Petersburg: Nauka, 1994.
17. Nadzhip E. N. Issledovaniya po istorii tyurkskikh yazykov XI–XIV vv. [Study of the history of Turkic languages of the 11th-14th centuries]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1989.
18. Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) [Etymological dictionary of Turkic languages. (Common Turkic and Intra-Turkic word bases ending on vowels)]. Moscow: Nauka, 1974. 767 s
19. Khisamitdinova F. G. Geograficheskie nazvaniya Bashkortostana [Geographical names of Bashkortostan]. Ufa: Bashk. un -t, 1992. 103 s
20. Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR [Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1980.
21. Kamalov A. A. Bashkirskaya toponimiya [Bashkir toponymy]. Ufa: Kitap, 1994.
22. Pallo Margit P. Issledovaniya vengerskikh uchenykh po chuvashskomu yazyku. Sb. statei. Cheboksary, ordena «Znak Pocheta» nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki. 1985. Pp. 98–106.
23. Bertagaev T. A. Tyurkologicheskie issledovaniya. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 45–50.

Received 09.11.2015.